

УЧАСТИЕ В «МЕТРОПОЛЕ» БЫЛО МОЕЙ ОШИБКОЙ

Интервью Фридриха Горенштейна обозревателю «НГ»

Мargarита Хемлин

Автопортрет

ГОВОРЯТ, приехал Горенштейн и ругает советскую интеллигенцию. Что, люди, с которыми вы были связаны, живя в СССР, в Москве, кажутся вам теперь другими? Или они СТАЛИ другими?

— Мои ощущения не связаны с моим выездом. Конечно, со временем я понял, что это такое — шестидесятники. Выезд в Германию — это второстепенное... Это не перелом в моей жизни. Перелом произошел при переезде из Киева в Москву. Хотя было тяжело и раньше, и позже — в Германии. Но истинный перелом произошел именно тогда — в Москве, в самом начале 60-х. По приезде в Москву я сразу написал свой первый профессиональный рассказ «Дом с башенкой». В библиотеке Некрасова. Просто сидел там за столом в читальном зале и писал. Я бы теперь не смог так работать. Был молодой... Я встретился с какими-то людьми: хорошими и плохими. Но я столкнулся тогда и с шестидесятниками. Правда, такое название они себе придумали позже. Теперь-то я понимаю, что это — закономерно, что я не вписался в их компанию. У меня не получилось ни с Ефремовым, ни с группой «Нового мира» — Твардовского... Перед ними стоял выбор. Они выбрали Шатрова... И вот они идут с Шатровым. И «Современник», и Волчек...

— И сама идея шестидесятничества кажется вам надуманной?
— Да. И я никогда не скрывал. Вот Вульф написал в «Советском экране», что меня надо вызвать на дуэль. Это после интервью ленинградской «Смене».

Шестидесятые — фальшивый ренессанс. Они же люди были все фальшивые. «Распалась связь времен»... В тридцатые годы кончилась культура. Пошли пятидесятые — с муляжами. Но эти муляжи еще обладали тем не менее какими-то формами.

— И за «форму» им можно простить то, что они — муляжи?

— Как сказать. Это не было опасно. Опасно то, что наступило потом. Разве вы можете откусить кусочек ветчины из папье-маше? В пятидесятые было сплошное папье-маше. А вот колбаски шестидесятников вы кусали с удовольствием... Не папье-маше, а эрзац.

Выплеснули вместе с водой ребенка. Выплеснули... И пошла хемингуэвская комсомольца. Пошла новомировская кирза, пошел очерк. Пошло с а м о в ы р а ж е н и е. Исчезло ремесло.

— Да, но тем не менее в 78-м году вы напечатались в «Метрополе» и тем самым как бы привязали себя к шестидесятиникам.

— Это была моя ошибка.

— Но если то был фальшивый ренессанс, то теперь, когда шестидесятники снова выходят на свет, занимают места на самом верху... Что это? Фальшивое воскрешение? Тогда страшно.

— Не страшно, если вы это понимаете. И читатель это понимает.

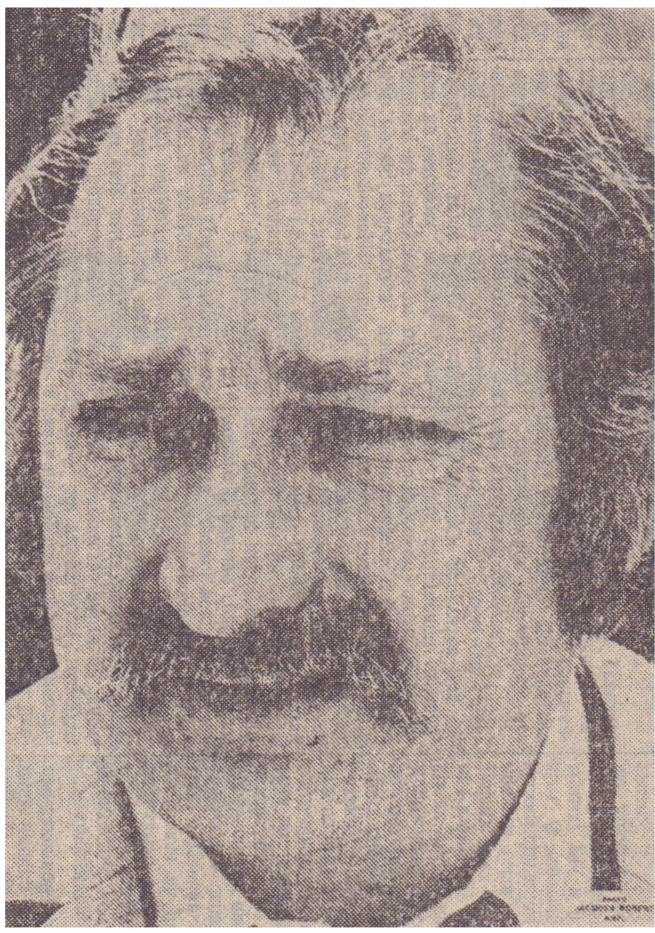
— Наверное, понимают не все. Иначе не было бы столько радости по поводу воскрешения.

— Когда началось это... Нет, не воскрешение — оживление, реанимация — я вообще перестал что-либо понимать. Я ничего не скрываю. И «Юность» уже отказалась иметь со мной дело. «Горенштейна нам не нужно. Нам нужны Аксенов, Владимир, Войнович...». Они начали опять этих ребят прокручивать. Многие из них талантливы. Войнович талантлив. Но, к сожалению, он потерял... Ну нельзя работать на одном и том же... Я никогда так не делаю. Это тяжело — менять прием. Я каждый раз придумываю что-то новое.

Самое главное качество шестидесятников — а я имел дело далеко не с худшими людьми — они знали заранее, какой материал взять, чтобы это понравилось публике. Всегда это прислушивалось. У меня такого никогда не было. Чего я взвалил на себя пьесы? К каждой сцене готовился, как к новой вещи. А эти ребята легко работают. Они получают удовольствие от работы. Прокручивают: я встретился с Петькой, с Машкой, с Дашкой... А что — приятно же травить баланду за столом... А у меня тяжелая работа.

— Но иллюзии были?

— Да не было иллюзий никаких. Было трудное для меня время, душа была расхлябана... А теперь «Метрополь» собираются переиздавать здесь... Восстанавливать... Пусть. Мне все равно. Вот главное для меня — роман «Место». Вышел только что в советско-британском предприя-

Фридрих Горенштейн.

тии «Слово». Вот — главное. А все остальное... У каждого писателя есть фундамент. Мой фундамент — «Место» и «Псалом». Две противоположные книги. Все-таки возьмите самого большого писателя — Толстого, Достоевского — у них есть фундамент...

— В Германии вы — в вакууме? В языковом, уж во всяком случае... А другого вакуума вы никогда и не боялись.

— Я плохо говорю по-немецки. Это мне помогает. Я много читаю по-русски. И потом, я выехал в таком матером возрасте, что со мной трудно что-либо было сотворить. Я — член Союза немецких писателей, между прочим. И член профсоюза немецкой прессы... А потом, учтите, это Германия. А Германия — не эмиграция. Германия — продолжение России. С Германией у меня взаимоотношения с малых лет. Они хотели меня убить маленьким — так это же не чужие люди... И мне интересно там жить. Я хотел бы жить во Франции, потому что это единственная страна, где у меня есть престиж. Теперь, надеюсь, он появится и в России, после «Места»...

— Что сейчас ваше издается в Германии?

— Интересная книга... Там под одной обложкой «Русский Нил» Розанова и мое «Последнее лето на Волге»... Да... А здесь еще ничего нет. Не опубликован «Псалом», не поставлены пьесы, нет моих главных рассказов... Ничего еще здесь нет...

— Сейчас, наверное, Германия, как никогда раньше, похожа на Россию.

— Не только сейчас. Она очень тесно связана с Россией. Если говорить о цивилизации, даже культуре. Но старой культуре... И характеры, и прочее... И потом, те проблемы, которые меня интересуют... Многие я узнал, живя в Германии. И о России в том числе. Почему я оказался в Германии? Просто мне там дали стипендию... Я надеюсь написать несколько книг о Германии. Если пробьюсь через русский материал. Кстати, я живу недалеко от места, где жил Набоков: он жил на Фазаненштрассе. Я живу совсем рядом... Набоков уделял большое внимание немецкой агрессии. Так же, как я теперь. Когда я говорю об этом, меня пытаются опровергнуть... Недавно на одном вечере после моего выступления выходит академик Волькенштейн и говорит: «Какая агрессия? Зачем? Немцы же хорошо живут». Он побывал там у двух или трех профессоров. Конечно, профессора хорошо живут. Основная масса немцев живет не так уж хорошо, это преувеличение. А во-вторых, разве «хорошо» или «плохо» — это гарантия от агрессии? И, кроме того, не хлебом единым. Ведь не на сытости держался немецкий империализм. Он держался на других вещах. О которых не место сейчас говорить... Многие немцы думают, как я. Ну не многие, но целый ряд из тех, кого я знаю.

— Вас здесь никакая новая идея не осенила?

— Нет. Я здесь не увидел ничего нового. Но я увидел много хорошего.

— Что же?

— Воздух. Дер люфт. Воздух. Воры по переулкам сидят. Раньше ходили по главной улице. Теперь или труднее. Теперь они просто воры. А раньше бы-

ли полицейские и воры — в одном лице.

— А вернуться сюда...

— А я вернулся. Вот моя главная книга — «Место»...

— Нет, вернуться — жить...

— А куда, куда вернуться? Я уезжал с улицы. Вернуться на три вокзала? Вот возвращаются, получают ключи от квартиры, получают советский паспорт — и это называется вернуться?

— А что значит вернуться?

— Вернуться — значит вернуться. Другого смысла в этом слове нет. И сил уже, знаете, нет — играть враз-перед. И какое это имеет значение?

— Сейчас вы приехали на премьеру спектакля «Государь ты наш, батюшка...» в Вахтанговском театре по вашей пьесе «Детубийца»... Формально практически переключили пьесу. Что-то получилось не так?

— Не так? В этом театре — все так. Но пьеса написана по другому. «Государь ты наш, батюшка...» — решение этого театра. Оно меня радует. Вахтанговский театр — противоположен и стилю моему, и стилю пьесы, но сумел талантливо найти выход из трудного положения. И оформлен спектакль прекрасно... Но — я писал эту пьесу в 85-м году... А теперь я работаю над пьесой подобного рода, так это вообще ад. Тема Ивана Грозного. Подробнее говорить не буду. Могут позаниматься. Я слышал, человек пять-шесть пишут сценарии, еще человек семь — романы на эту тему... У Ивана Грозного невозможно сосредоточиться на какой-то точке. Это глупость. Эпоха Ивана Грозного — энциклопедия русской истории... Есть материал, который можно взять только пьесой. Надо уловить, какой материал чем можно взять... Вот Пушкин «Борис Годунов» написал — пьеса. Хотя ему советовали писать роман.

— А что с другими вашими пьесами у нас?

— Малый театр подбирается к «Детубийце»... «Бердичев» собирался ставить Еммоловский театр... Катя Васильева — в роли Рахили... Но потом — вы же знаете, что там у них произошло. Все развалилось. «Бердичев» тяжелее поставить, чем «Детубийцу». Там нужны несколько актеров... Нужна Рахиль, Злота, Сумер... Нужны корни... Лев Додин хотел поставить. Уже давно. Он приезжал в Берлин, я ему дал книжку, он прочитал пьесу и сказал: «Я не думал, что это так тяжело». Он думал, что это — «Звезды на утреннем небе»... А вот во Франции скоро будут ставить «Бердичев». Но нужны громадные деньги... Вообще-то пьесы сейчас очень испорчены кино. Хотя я сам профессиональный кинодраматург и написал много киносценариев, — в кино сейчас почти не хожу. Я же вижу, во что оно превратилось. Думаю, это потому, что литературная основа совершенно разрушена. Говорят: кино — это особый путь. Да, но не по воздуху... Они ходят по воздуху, а надо — по дороге. Дорога — это профессионализм, это хорошо, грамотно спеланный сценарий. Я пишу кинороманы — о Скрыбине, о Шагале... Кстати, о Шагале фильм будет делаться немецкой фирмой, ставит наш молодой режиссер.

— «Наш» — немецкий или «наш» — советский?

— Я никогда не скажу о немецком — «наш»...